
Дмитрий ЛАГУТИН

РАССКАЗЫ

КУПОРОС

Москву заметало. Заносило, сдувало, заливало сквозь снег мелким ледяным дождем.

По узкому, в мутной каше, тротуару, задевая плечами кого-то в толпе, уворачиваясь от ветра, чувствуя, как налипает на брови, залетает в капюшон снег, я добрался до нужного крыльца, протиснулся между курящими, потопал, обивая подошвы, откинул капюшон, стянул мокрую насквозь маску на подбородок и дернул дверь.

Ветер взвыл, хлестнул по шее и оборвался — вместо него теперь звучала негромко музыка, ее перекрывали голоса сидящих за столиками. В дальнем углу зала на широком экране крутили клипы, рядом, за барной стойкой, сновали туда-сюда бармены, тянули с полок бутылки всех форм и размеров.

Охранник в пиджаке посмотрел равнодушно, нехотя отступил в сторону. Ко мне уже спешила, лавируя между столиками, официантка.

Над черной, в стразах, маской синели огромные глаза.

— Здравствуйте, у нас, к сожалению, все занято, но вы можете...

— Я заказывал.

Я назвал имя, официантка кивнула, пригласила в глубь зала — и долго вела, петляла и кружилась, чтобы наконец указать ладошкой на крошечный круглый столик у самого окна. Столик был втиснут между декоративным книжным шкафом под старину и деревянной перегородкой, отделяющей близко расположенные места друг от друга.

— По кухне у нас ожидание будет небольшое, я вам меню оставляю...

— Принесите пива.

— Да, конечно, какого именно? У нас есть...

— Темного.

— Хорошо, минутку. Вам один бокал или сразу два? — она указала на свободную часть столика — свою я уже обозначил, выложил телефон и кошелек.

— Один.

Официантка кивнула и, оставив меню на столе, исчезла.

Я расправил плечи, огляделся, медленно вылез из мокрой, холодной куртки, медленно прошел до вешалки, медленно вернулся к столику, потягиваясь и ворочая шеей.

Уселся, заглянул в кошелек, разблокировал и заблокировал телефон, снял с подбородка маску, смял и сунул в карман.

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Член Союза писателей России. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза» (2017, 2018, 2021). Лауреат премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018). Тексты опубликованы в журналах «Знамя», «Москва», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Юность», «Урал» и др. Лауреат премии журнала «Нева» (2021). Рассказы переведены на китайский и немецкий языки.

Откинулся на спинку стула и стал смотреть — то на зал, то в окно.

В зале смеялись, шумели, постукивали вилками и звенели бокалами. Кого-то поздравляли с повышением. Взвизгивали, бегая вокруг вытянутого стола — банкетного — дети. Щелкала, открываясь и закрываясь, дверь в кухню, за ней мелькал кафель, плечи поваров в белом, серебряные углы вентиляционных коробов. Пахло едой, сырой верхней одеждой. За окном хлестало в разные стороны то ли снегом, то ли дождем, спешили, толкаясь, пряча головы в плечи, пешеходы, за ними мелькали крыши автомобилей, на той стороне улицы тротуар был выше, чем на этой, и видно было, как и по нему бегут, ежась, цепляясь зонтами, люди, и надо всем — в отдалении — вставали, точно из тумана, полупрозрачные здания в огнях, вращались в темное, серо-синее небо. Светилась красным крошечная, едва заметная отсюда «М».

— Ваше пиво. Еще что-нибудь?

— Спасибо, я подожду, — теперь я указал ей на противоположную половину столика, — товарища.

— Да, конечно.

И через секунду ее уже не было рядом.

Я примерился к бокалу, подержал его немного на весу и стал цедить ледяное, горько-сладкое — навевающее воспоминания о, внезапно, квасном сусле — густое пиво.

«Квасное сусло, — усмехнулся я, — подумать только». Я забыл, что оно вообще существовало на свете — квасное сусло.

Отец покупал его когда-то давным-давно, и я, мальчишкой, совал нос в банку, вдыхал резкий, не то горький, не то сладкий — прямо как сейчас — аромат, морщился.

Олег пришел спустя четверть часа — я и до середины бокала добраться не успел. Он вошел — высокий, как каланча, в пальто, без шапки, огляделся, блестя очками, увидел меня издали, помахал. К нему подпрыгнула та же официантка, он сказал что-то, чуть наклонившись, осторожно пролез через зал, на ходу снимая маску, и остановился передо мной.

— Ну здравствуй! — и он протянул обе руки, точно намереваясь меня обнять.

Я привстал, сжал ладонь, Олег и вправду потянулся за объятиями, но вышло как-то неловко, и мы только хлопнули друг друга по плечу.

— Ну и погодка, да? — улыбнулся он, распрямляясь и приглаживая волосы.

Он огляделся, стянул пальто, а когда вернулся от вешалки, то долго двигал стул, сцепившийся со столиком ножками.

Наконец он уселся, снял очки и аккуратно спрятал их в тонкий футляр.

— По кухне у нас небольшое ожидание, — предупредила возникшая тут же официантка и выложила перед ним меню. — Может быть, вам тоже пива?

Олег только сейчас заметил мой бокал, посмотрел на официантку.

— Нет-нет, мне, пожалуйста, кофе, — он кашлянул в кулак, стал листать меню. — И по еде... По еде... А давайте я чуть попозже закажу, хорошо?

— Да, конечно.

Официантка исчезла, а Олег выудил из кармана пузырек с гелем, протер ладони, поставил пузырек рядом с солонкой и продолжил листать меню, поглядывая на меня весело.

Одет он был с иголочки и вообще — аккуратно причесанный, с гладко выбритыми щеками — производил впечатление человека в высшей степени аккуратного.

Не то что в детстве — в детстве на нем все болталось, как на вешалке.

Длинными пальцами с идеально подстриженными ногтями он листал меню, и на безымянном вспыхивало и гасло узкое золотое кольцо.

— Не знаю, — наконец рассмеялся он, — вроде ехал — голодный, как пес, а теперь определиться не могу.

Он еще раз бегло просмотрел меню и закрыл, сдвинул на край столика.
— Ну как ты? — спросил он, глядя мне в глаза. — Вот уж целая вечность прошла!
Я кивнул — вечность, точно.
— Да нормально. Ты как?
Олег выдохнул, откинулся на спинку стула, оглядел зал.
— Да как-как... Ничего. Ну, работа там, сам понимаешь... Работа-дом, работа-дом, много работы. А так, конечно, все хорошо.
— Ты когда так вымахать успел?
Олег хохотнул, пригладил макушку.
— Да это же мы с тобой когда виделись в последний раз? — он прикинул, посмотрел вверх. — За столько-то лет немудрено... Как еще узнали друг друга?
— Это да...
Олег встряхнул головой, посмотрел на меня пристально веселым своим взглядом.
— Обалдеть, — протянул он. — Встретились все-таки. Я уже и не рассчитывал.
Я пожал плечами.
Появилась официантка, поставила перед Олегом низкую, плоскую чашку с кофе.
— Выбрали что-нибудь?
— Да, девушка, мне пожалуйста... — Олег подхватил меню, едва не перевернув чашку, официантка придержала ее. — Извините ради бога... — Он стал листать. — Вот, с лососем, пожалуйста.
Официантка приняла меню.
— По кухне будет ожидание, вы помните, — повторила она.
— Да уж не уйду, раз заказал, — рассмеялся, глядя на меня, Олег. — Дождусь.
— Вам что-то еще нужно? — спросила официантка меня. — Может, из закусок?
— Еще один бокал принесите.
— Темного?
— Да.
Когда она ушла, Олег наклонился, сказал вполголоса:
— Тут очень хорошо кормят, ты, если хочешь, можешь у меня спросить, я подскажу, что лучше взять.
— Я не голодный.
Олег выставил ладони вперед.
— Мое дело предложить, ты, конечно, сам смотри.
Я отхлебнул пива.
— А ты за рулем, что ли?
Олег смущенно повел плечами.
— Ага. Только из офиса. Да и потом жену с дочкой забирать, домой везти.
Я кивнул.
— Сколько вам уже?
— А вот пять через месяц будет, — лицо Олега засветилось.
— Молодцы.
Олег прищурился.
— А ты ведь... — он наклонил голову. — Тоже, кажется, женат был.
— Был, — согласился я.
— А... — Олег осекся. — Понял.
Он замолчал.
— Да ничего, — махнул рукой я. — Бывает.
— Ну да, ну да... — пробормотал Олег, выдавливая улыбку. — Это такое дело...
Он посмотрел за окно.
— Вот ведь метет... Что за погода... Точно не в Москве мы, а в Питере...

— Ага.

Олег оживился.

— Я тут на неделю в Питер мотался, и представь себе — попал как раз на солнце, тишину. Даже как будто потеплело. Ехал и думал: сейчас, как обычно, продует насквозь, с носовым платком не расстанусь... А приехал — красота, сказка прямо! Жена до последнего не верила, пришлось фотографии отправлять.

Я покачал головой — вот это да.

Думал махом опустошить бокал, но почувствовал неловкость и не стал.

— Я тебе так скажу, — снова вполголоса заговорил Олег и даже оглянулся по сторонам: не подслушивают ли? — Если б не погода, — он кивнул за плечо, — в Питере, говорю, то меня б жена уже давно туда затащила. У нее там родня, а ты сам знаешь, как питерские на Москву смотрят... — он глотнул кофе, усмехнулся. — Как узнали, что остается здесь, так такой подняли переполох. — Он двумя пальцами достал из сахарницы коричневый кубик, уронил в чашку, помешал. — Но она говорит, что ветром этим, дождем по горло сыта.

Он посмотрел на окно.

— Хотя сейчас тут и похлеще, наверное.

— А ты сам чего, не хотел бы туда?

— В Питер? — Олег вздохнул, пожевал задумчиво губу. — Да ты знаешь, что-то я полюбил уже Москву... Как-то сперва плевался, маялся, а потом вот... Не знаю, почувствовал, что ли.

Я кивнул — понимаю, понимаю. Допил не спеша бокал, официантка тут же поменяла его на полный.

— Ваше готовится, — отчиталась она Олегу.

Он развел руками — готовится так готовится.

— А ты сам-то, — спросил он, проводив ее рассеянным взглядом, — какими судьбами?

— А, — махнул я рукой, — проездом.

— Надолго?

— Да на день, завтра поезд.

— Понятно, — протянул Олег все так же рассеянно. — А остановился где?

— Да в гостинице, — я кивнул на окно. — Недалеко тут, пара станций.

— Понятно, понятно... Как там наши? Видишь кого?

Я мотнул головой.

— Понятия не имею. Никого не вижу. Как переехал, так у нас стал раз в месяц показываться, не чаще. Улицы пустые, не ходить же по домам.

— Да, — согласился Олег. — Не ходить же по домам... А дети сейчас... Пустые улицы, говоришь?

— Ну так дети по компьютерам сидят, что им улица?

Олег оживился, заулыбался.

— И змеев не пускают?

Я фыркнул.

— Да на что им змеи? — и почесал подбородок. — Хотя, конечно... Может, и пускают — мало ли. Только я ни разу не видел.

— А школа наша? Стоит?

— Стоит, что ей сделается?

Олег положил щеку на ладонь, мечтательно посмотрел за окно.

— Да... Школа... Змеи... — Он перевел взгляд на меня и почти воскликнул: — А все-таки отличное у нас было детство, правда?

Я улыбнулся.

— Еще какое.

Олег заерзал на стуле, снова поглядел весело — а теперь еще и с хитрецей.

И так долго он на меня глядел — я даже задумался: может, у меня на лице что-то?

— Ладно, — сказал он наконец, — пора.

Он поднялся из-за стола, не меняя хитрого выражения лица, ушел к вешалке, долго возился с пальто, скрывшимся под куртками новоприбывших, и вернулся с чем-то небольшим, завернутым в коричневую бумагу.

— Держи, — торжественно произнес он и поставил сверток на стол и тут же спохватился: — Только осторожно!

Я нахмурился — что еще выдумал? — но сверток аккуратно взял и бумагу аккуратно развернул.

Под бумагой обнаружился стеклянный цилиндрок вроде перевернутого стакана. Цилиндрок стоял на деревянном кружке и накрывал собой...

Я ахнул.

Цилиндрок накрывал собой уложенные на вату кристаллы медного купороса — густо-синие, поблескивающие гранями, топорщащиеся в разные стороны острыми углами. Кристаллов был целый пучок — росли они, вероятно, вокруг какой-то загогулины.

— Проволоку просто кренделем свернул, — извинился Олег, усаживаясь и наблюдая за моей реакцией. — Без особых изысков, конечно, не то что...

Я не мог глаз отвести от кристаллов — в их гранях мелко отражались и огни ламп, развешанных по залу, и обведенный диодами прямоугольник окна, и пятна фонарей в снегопаде.

— Ну... — выдохнул наконец я. — Ты, конечно, даешь...

Я осторожно подвигал цилиндрок — приклеенный, все по науке.

— Ну вот так, да, — подытожил Олег. — Можно сказать, возместил ущерб.

Я усмехнулся, покачал головой.

— Да какой ущерб, Олег... Было бы о чем говорить, — я вскинул на него глаза. — Ты что, специально их, это... растил?

Олег расхохотался, запрокинув голову, потом обернулся к соседям через перегородку, извинился.

— Да нет, конечно, не специально, — пояснил он, кашлянув в кулак. — Ну то есть мысли, конечно, были: вот вручить бы тебе... Но... — он постучал пальцами по столешнице. — Вырастил я их еще классе в десятом, на химии. Ну то есть как... Химик у нас попался отличный, прямо, знаешь, интересно подавал. Опыты всякие показывал — класс в восторге был. Ну и я про купорос этот вспомнил, про кристаллы твои, — Олег смущенно крикнул, — и стал его расспрашивать что да как. А он как-то сразу предложил: давай, мол, дело-то плевое. Ну и раствор там помог намешать, проволоку, все вот это... В классе я их и... выращивал. В дальнем шкафу. Знаешь, и думать не думал, что это так просто! В детстве-то казалось... Ну а потом, как получилось все, домой и забрал.

Я слушал и смотрел — то на Олега, то на кристаллы.

— Но мы тогда не общались уже, ты помнишь, — продолжил он. — Через год примерно ремонт делали в квартире, и я банку эту потерял — сунул в какую-то коробку, и как корова языком слизала. Искал-искал, боялся, что разобьется да потравимся, а потом и думать про нее забыл.

Он отвлекся, вытянул шею, оглядел зал.

— Да где же мой лосось... Кофе выпил, голод и вернулся, — он вздохнул. — Ну так вот. Нашел я ее — банку-то — при переезде уже. Обрадовался, конечно, на видное место выставил. А как с женой съехались, в новую квартиру не взял — не помню почему, на радостях, наверное. Так и осталась у мамы. А она ее в шкаф спрятала — чтоб пыль не собирать. Ну и сам знаешь, как шкафы вещами зарастают — оттеснило

мою банку в самый дальний угол. А вот как наметили встречу, я специально поехал — искал ее, отчаялся совсем, маму подключил, и в итоге нашел, конечно. Ну и, — Олег смущенно поскреб ложкой по дну чашки, — сгонял к знакомому, он всякие штуки делает крутые... Цветы там в стекло заливает, всякое... Вот попросил его как-то... облагородить, накрыть, как следует, чтоб не стыдно было старому другу вручить, — Олег хохотнул. — А то выставил бы я перед тобой сейчас банку из-под корнизонов!

В цилиндрике вытягивалось, изгибаясь к верхушке, мое отражение — с бокалом темного.

— Ну, Олег, — я, не зная, что сказать, развел руками, подвигал бокал. — Это, конечно, прямо круто. Спасибо большое.

Олег просиял.

— Да рад стараться! У меня бы они валялись еще лет сто, а тут вот... Символично даже как будто.

— Точно.

Олег снова вытянул шею, поправил воротник.

— Лосо-ось, — вполголоса позвал он. — Где мой лосо-ось?

Наконец ему принесли его лосось. Официантка долго вертела блюдо, стараясь уместить его на столике, Олег только взял вилку, так сразу ее и уронил — и официантка приносила ему новую — он заказал минералки, и крошечную бутылочку ему подали с огромным, на тонкой ножке, бокалом.

Я медленно пил свое пиво.

И все это время мы разговаривали. Сперва больше говорил Олег, а я только кивал или отвечал односложно, но потом я размяк — даже захмелел малость — и, кажется, стал его перебивать, рассказывать про университет, про работу, на которую сразу, получив диплом, устроился, вспоминать детство.

Когда говорили о детстве, у Олега глаза горели — он даже откладывал вилку с ножом в сторону. Касался рта салфеткой, дожевывал, слушая меня и кивая, и начинал тараторить:

— Слушай, это же записывать надо! Я этого и не помнил! Это вот когда змеев пу-скали, да? Нет, как в школу залезали, я помню, а вот перед этим... Фокусы — да, показывал, помню. Еще книгу какую-то рассматривали, иллюстрации там такие были... А вот про старших, про лишай — начисто забыл!

И время от времени он принимался качать головой — и все повторял:

— Нет, ну вот какое у нас все-таки было детство, да? Прямо ведь повезло.

Или что-нибудь вроде:

— Слушай, мне прямо вот не верится. Мы вот сидим с тобой сейчас в центре Москвы, сидим вот, — он обводил рукой зал. — Так все изменилось, весь мир... — он кивнул многозначительно за окно. — И мы изменились... А вот сидим вдруг — и вспоминаем, разговариваем.

Он встряхивал удивленно головой и возвращался к своему лососю.

Мы поговорили про детство, про общих знакомых, Олег рассказал, как нелегко было менять школу, как раздумывал бросить университет — «дурь, знаешь, в башке заиграла, прямо на месте не мог усидеть», — как поначалу изнывал в офисе.

— А теперь вот силой не оттащить, веришь? — смеялся он. — Так во все это дело въехал, прямо от себя не ожидал.

Он рассказал о дочери, о том, как привыкал к роли отца, о том, что в начале года болел воспалением легких — «обошлось без госпитализации», — о том, как летом возил семью в Карелию, «дышать».

Я допил пиво и решил не повторять — сидел, откинувшись, скрестив руки на груди, говорил, слушал и чувствовал, как разливается по телу приятная, плотная уста-

лость, как тяжелеет и начинает гудеть голова, и в гудении этом тонут, смолкают мысли, уступают место спокойствию.

Телефон Олега заморгал экраном, пополз по столешнице, Олег подхватил его, поднес к уху и посмотрел на меня.

— Секунду... Да, любимая. Да, ужинаем.

Я отвернулся, заскользил взглядом по залу. Дети продолжали нарезать круги вокруг банкетного стола, оттуда звучали длинные тосты, празднующие сидели тесно, много было пожилых. Отмечавшие повышение уже ушли, и за их столиком, над шампанским в ведерке, шептались, касаясь друг друга челками, девушки в ярких нарядах.

— Подарил, — довольно ответил в телефон Олег и кивнул мне. — Подарил, конечно.

«Неужели он и жене про все это рассказал?» — с удивлением подумал я и тут же рассудил, что, вероятно, ничего странного в этом нет: близкие люди, делятся друг с другом, обсуждают.

— Да, скоро, — заверил Олег и дернул рукой, из-под рукава на запястье блеснули часы. — Как договаривались. Люблю, да.

Договорив, он кашлянул смущенно, показал на телефон.

— Жена в восторге была от идеи с кристаллами, — пояснил он. — Я в какой-то момент засомневался, а она прямо... давай, говорит, ты что, обязательно!

Я усмехнулся.

Олег наконец доел, допил свою минералку, которую цедил едва-едва, попросил у официантки счет, но потом посмотрел на меня вопросительно, кивнул на часы — я пожал плечами — и заказал еще чашку кофе.

— Вам повторить? — спросила меня официантка.

— Нет, спасибо.

— Посчитать вместе? Или на два чека?

— Вместе, вместе! — затряс головой Олег. — Только вместе!

И мы еще какое-то время сидели — говорили, вспоминали. Воспоминания, однако же, кажется, понемногу заканчивались — и приходилось повторяться, ходить по кругу, напрягать память, а то вдруг повисали паузы, в которые Олег цедил кофе и шикал, дул на него через сложенные трубочкой губы.

Над самым, казалось, ухом раздался звон, я обернулся и увидел, что к банкетному столу спешат улыбающиеся официанты, а девочка лет пяти, готовая разрыдаться, прячет красное лицо в рукав полной, рыжеволосой женщины — по-видимому, матери — и на полу, у ее ног сверкают осколки графина, расползаются по мутным ручейкам кубики льда и лимонные дольки.

Остальные дети притихли, замерли на своих местах, а женщина, хоть и нахмурилась, поцеловала девочку в макушку и похлопала утешающе по спине. Кто-то с ближайших столиков обернулся, посмотрел заинтересованно или с неудовольствием — но только с ближайших; зал продолжал оживленно гудеть, мелькать улыбками и бликами — и разбитый графин, можно сказать, остался незамеченным.

Олег расправился с кофе и придвинул к себе счет.

— Посмотри, сколько там — я переведу, — предупредил я, но Олег выставил перед собой ладонь.

— Никаких «переведу», — с наигранной строгостью отрезал он. — Ты гость, мне это только в радость будет. Да и сумма несерьезная, говорить не о чем.

Я заерзал, хотел поспорить, но потом махнул рукой — в радость так в радость.

Когда вышли на улицу и протиснулись мимо курильщиков, он поднял воротник пальто, оглянулся, прищурившись через очки, на крошечную «М» в конце улицы, посмотрел на меня сверху вниз.

— А тебе в какую сторону? — спросил он. — Давай подвезу, чего ты по метро толкаться будешь?

Я решительно отказался.

— Все в порядке, — сказал я. — Проветриться не помешает.

Пока мы сидели, совсем стемнело, и вдоль улицы уже горели, вытягиваясь высоко вверх, к густо-серому небу, фонари. Мело по-прежнему, и поток пешеходов был таким же плотным — а автомобили по дороге еле ползли, моргая поворотниками. Время от времени кто-то кому-то сигналил, двигатели взрывались в нетерпении.

— Ну, как знаешь, — Олег похлопал себя по карманам, поправил на переносице очки.

Потом он протянул широкую светлую ладонь. Левую руку он отвел в сторону, точно собрался обниматься.

— Рад был увидеться, правда.

— Я тоже.

Он сжал мою руку и все-таки приобнял, хлопнул свободной ладонью по спине.

— Как будешь еще в Москве, звони обязательно, — с чувством проговорил он. — Посидим как следует дома — с семьей познакомишься. Сейчас у нас ремонт, все вверх дном, но через пару месяцев уже красотища будет, не стыдно звать.

Я кивнул, поблагодарил за приглашение и отдельно — за подарок.

Сверток с кристаллами оттягивал карман куртки, выглядывал из него.

Олег смутился, забормотал, что не за что, что «это же само собой...» Мы еще раз пожали друг другу руки, он развернулся и двинулся через толпу, держась ближе к дороге, вдоль которой стояли припаркованные автомобили.

Я увидел, как в тесном ряду моргнуло желтым, Олег шагнул с тротуара на дорогу. Спустя несколько секунд в ряду образовалась прореха, в которую тут же полез с проезжей части внедорожник, а Олег, едва встроившись в пестрый поток из фар и крыш, мгновенно слился с ним и исчез из виду.

По-прежнему непонятно было, снег сыплется с неба или дождь. Я посмотрел на сияющие теплым светом окна — столик, за которым мы сидели, уже был занят, — набросил капюшон, поплотнее устроил в кармане сверток и зашагал к метро.

Очень быстро приятная усталость сменилась неприятной, а гудение в голове затихло — со всех сторон на меня наваливался шум, движение, мелькали перед глазами лица прохожих, кто-то наступал на пятки, кто-то смеялся в телефон, рычали и моргали фарами автомобили, снег, или дождь, или и то и другое мельтешило в свете фонарей.

Подземный переход со скользкими ступенями, эхо голосов под низкими сводами, шарканье подошв.

Перекресток с витринами, бряканье велосипедных звонков, музыка из салонов автомобилей.

Безуспешно пытающиеся захлопнуться стеклянные двери, стук турникетов, усталые взгляды идущих навстречу, затылки, макушки, шапки в мелких каплях, далекий гул поезда, уползающий вниз эскалатор. Резкий масляно-резиновый — и точно пропитанный электричеством — запах, проникающий под влажную, напалзающую на переносицу маску.

В вагоне я сперва стоял у противоположных, стиснутых дверей — уткнувшись плечом в вертикальный поручень. Спустя несколько станций, когда людей стало меньше, сел на ближайшее свободное место — и всю дорогу потом сидел, глядя то на свое отражение в широком окне, то на мелькающие за ним ребра тоннеля и кабельные узлы. В дальнем углу кто-то время от времени кашлял, от него держались подальше, смотрели осуждающе.

Когда выходил из вагона — одна станция до конечной, — в нем оставалось четыре-пять человек, не больше.

За поездку я согрелся, успокоился и поэтому, еще с эскалатора увидев, как за стеклянными дверями продолжает мести, почувствовав, как врываются, хлещут вдоль стен потоки холодного воздуха, засомневался: может, не выходить сразу, может, потолкаться еще какое-то время тут, на станции? Усмехнулся своим мыслям, застегнул куртку до подбородка и, добравшись до двери, толкнул ее плечом с такой силой, словно хотел снести с петель.

Вышло это случайно — не рассчитал, вот и все.

— Аккуратнее! — крикнул вслед кто-то — не то охранник, не то уворачивающийся от двери прохожий.

Я извинился — не оборачиваясь и не зная, услышат ли меня сквозь свист ветра.

Ветер свистел так, словно я шагал не по стиснутой новостройками улице, а по голой степи — и вокруг рассыпался теперь не снег и не дождь, а мелкий, сухой град — колот веки и брови.

Маску я снимать не стал — так и шел в ней, ощущая запах своего же дыхания: петлял тротуарами, огибал закрытые зеленой сеткой участки по проезжей части, разминался с редкими пешеходами. Тут и там вставали недостроенные высотки, смотрели пустыми проемами в желто-черное, низкое небо. Рядом с ними сквозь рябь градин светились под самыми облаками окна высоток достроенных.

Магазин во дворе еще работал, и я забежал, купил молока, яблок, какой-то ерунды по акционной цене. Перед кассой замялся, вернулся в зал и бросил в корзину бутылку пива.

А у подъезда долго искал по всем карманам ключи — злился, шипел и совсем уже отчаялся — «звонить и ехать через весь город за дубликатом, обещать завтра же сменить замки», — когда обнаружил пропажу в нагрудном кармане, за паспортом.

Видимо, переложил, освобождая место для свертка с кристаллами.

Взмокший и запыхавшийся, шурша пакетом, вошел в подъезд и долго ехал в грузовом — пол точно мелом терли — лифте. Оказавшись наконец в квартире, не раздеваясь, разувшись только и пятками оттолкнув ботинки к порогу, не включая даже свет, упал в кресло и сидел так какое-то время, вытянув ноги, прислушиваясь, глядя на серебристую, мелькающую градом — или уже опять снег? или дождь? — щель между шторами.

Тикали в темноте часы.

Откуда-то доносились приглушенные голоса, затыкала тоненько и замолчала соседская — по диагонали — собачонка. Где-то через этаж или два стучали монотонно, взвизгивали дрелью — сейчас кто-нибудь ударит раз-другой по трубам, и дрель затихнет.

Загудел, пополз по шахте лифт.

Я дотянулся до выключателя, щелкнул, и над кухонной зоной загорелась лампа — свет упал на пяточок плитки, на стойку, разделяющую комнату надвое, выхватил из тени край кровати, стенку шкафа.

Я снял и оставил в кресле куртку, рассовал продукты по холодильнику. Поставил чайник закипать, но, скинув вещи и умывшись, выключил. Подошел к окну, раздвинул шторы, всмотрелся в нагромождение этажей, корпусов, арок и эркеров, французских балконов с розовыми фитолампами и лоджий. Новостройки стояли тесно, выглядывали одна из-за другой, угадывались вдали по бледным — в метели — точкам окон.

Далеко внизу темнели дорожки тротуаров, моргали огоньки сигнализаций. Крошечный двор с квадратиком детской площадки был пуст, на бордюры, даже на площадку залезали бамперами припаркованные автомобили.

Я вспомнил о медном купоросе, вернулся к креслу, вытянул сверток из кармана куртки, развернул. Пристроил кристаллы на стойке, покрутил их так-сяк, прикидывая, с какой стороны они смотрятся выгоднее.

Потом вынул из холодильника оставшиеся со вчерашнего дня котлеты, погрел, навалился на стойку и без аппетита поужинал; и пока ужинал, все смотрел на кристаллы — какие они аккуратные, симметричные, как блестят и переливаются, как отражаются сами в себе, просматриваются в некоторых местах насквозь, сливаясь в сердцеvine в неразличимый, сплошной, обволакивающе-синий цвет. И чем дольше я всматривался в них, тем глубже казалась сердцевина, тем сложнее, многообразнее оттенки, тем совершеннее линии.

Поужинав, я не стал включать телевизор, не стал открывать купленное пиво или заваривать чай, а сразу погасил свет и улегся. И долго не мог заснуть. Лежал в темноте, глядя, как пересекает комнату, делит пополам, разводит в стороны, бледная полоса света. Шторы не смыкались, из-за габаритов карниза они не дотягивались друг до друга — их можно было только прихватить посередине каким-нибудь зажимом, но тогда все равно оставалась бы треугольная прореха, а значит, ничего бы, по сути, не менялось.

Я лежал и слушал: тиканье часов, всплывающие то за одной стеной, то за другой, то за потолком, то под полом голоса соседей, звонкий лай собачонки, гудение лифта, глухие шаги, обрывки музыки. Слышимость была поразительная: я слышал, как чихают через квартиру от меня, и на слух дом казался прозрачным. Но в других квартирах горели лампы и люстры, светильники и торшеры, рябили телевизоры, крутились пенные барабаны стиральных машин, шипели утюги и фыркали паром чайники, в лифтах сияли ослепительно, отражались в зеркалах диоды — а в моей квартире было тихо, темно, и только вытягивалась от подоконника к стойке, через стеклянный колпак к стене прихожей бледная полоса, и между шторами рябило не то снегом, не то опять градом, а кристаллы под колпаком, отзываясь на свет, неярко поблескивали.

И я, отчаявшись просто уснуть, стал вспоминать. Я вспомнил горячее солнечное утро, вспомнил подоконник с цветком, сдвинутый в сторону тюль. Вспомнил стоящую на подоконнике банку с кристаллами — не этими кристаллами, а моими, которые я три недели выращивал в сарае, за верстаком. Банка была невысокая, с широким горлышком — на боку ее шелушились следы от содранной этикетки. Жестяная крышка с логотипом и мелким текстом туго завинчена.

Внутри банки на плотно утрамбованной вате лежит обросшая кристаллами загогулина — обмотанная нитками проволока. Кристаллы то проступают из тумана, то падают обратно — и воображение срисовывает их с тех, что поблескивают сейчас на стойке, я вижу крошечные грани, углы, блики на ослепительно-синих изгибах.

Медный купорос я выпросил у старшеклассников, а откуда брали его они, вспомнить не получалось. Я выслушал инструкцию, а вечером пересыпал ярко-синий, похожий на сахар — если бы сахар мог быть ярко-синим — порошок в найденную в сарае банку, залил водой и закупорил, предварительно вклеив в крышку обмотанную ниткой проволоку.

Каждый день на протяжении трех недель я пробирался в сарай, лез, согнувшись, под верстак и осторожно, не дыша, доставал банку. В свете тусклого, густо залепленного паутиной окошка смотрел — растут? Кристаллы росли медленно, но верно: обвивали проволоку, щетинились, мелко мерцали.

Я вспомнил, как пахло в сарае — пылью, деревом, стопками сложенного друг на друга картона.

Когда кристаллы выросли как следует, я слил бледно-голубую водичку в землю за сараем, держа кристаллы на весу, вытер банку салфеткой и выложил дно ватой. Задержав дыхание, отклеил проволоку от крышки и осторожно опустил на вату. Вернул крышку на место и только тогда выдохнул — старшеклассники предупреждали о том, что медный купорос ядовит и банку нужно держать закрытой.

Никому я не рассказывал о кристаллах, пока они не выросли — словом за все три недели не обмолвился, — и когда наконец все было готово, меня, конечно, распирало. Я проснулся ни свет ни заря и уже не мог уснуть — привалился к подоконнику и смотрел на переливающиеся в золотых лучах грани.

Вспомнил, что, пока готовился завтрак, вился на кухне, что, наскоро перекусив — что же было на столе? какая-нибудь каша? блины? — схватил банку и побежал на улицу. Свет, зелень, синева высокого неба над шифером крыш, трава, разбегающиеся в стороны дорожки — это воображение услужливо дорисовывает знакомую из детства картину, выдавая ее за воспоминание, а само воспоминание покоится на глубине, до которой не дотягивается свет.

Вспомнил, как обычно шумная — лето же — улица встретила меня тишиной, и я долго плутал по тротуарам, высматривая хоть кого-нибудь, пока не встретил наконец одного из наших, с неохотой ответившего, что все ушли на мост, а ему надо сидеть у дома и ждать брата, отправившегося в университет без ключей.

Он наверняка предложил подождать брата вместе с ним — этот один из наших, мальчик, чьего имени я сейчас и не назову: так много было наших. Но сам разговор в памяти, конечно, не остался — помню только, что я не выдержал и показал ему кристаллы, и он запыхтел удивленно, распахнул глаза, не поверил, кажется, что я сам их вырастил — в сарае! — попросил в руки, но я не дал, разрешил смотреть только из моих, и потом он все допытывался: как? где взять? что делать? — а я, кажется, фыркнул в ответ многозначительно: такими секретами не разбрасываются — и заспешил к мосту.

Мне представились носки сандалий, выглядывающие из них пальцы, мелькающие на фоне асфальта, травы, каменистой дороги, опять травы.

У кого-то из соседей запищал домофон, спустя несколько секунд я услышал, как гудит, поднимаясь, лифт.

Я вспомнил широкий железнодорожный мост — с сияющими, утекающими вдаль рельсами, с высокими, переплетающимися над головой балками. Вспомнил с шумом протискивающуюся под мостом реку, заросли травы у основания. Вспомнил, как заранее перестал бежать и пошел по насыпи спокойно, расправив плечи, неспешно даже — точно я здесь случайно оказался, так, просто гулял в свое удовольствие.

Мост, дорожка между оградой и шпалами — в мелких серых камешках — толпа наших.

Ленивые приветствия, дежурные фразы, меня распирает, а я тяну время, придерживаю банку в кармане, жду, жду, и наконец — пора.

Изумление, восхищенные и завистливые взгляды, протягивающиеся руки — я не позволяю, смотрите из моих. Кристаллы горят синим огнем, синева их такая яркая, что такой, наверное, и не бывает в природе. Ничего я не видел красивее — и из наших никто, конечно, не видел. Кристаллы, кристаллы — что может быть в природе красивее кристаллов?

Я не смог вспомнить, почему все-таки дал банку кому-то в руки — наверное, первый восторг схлынул, и я, опьяненный всеобщим вниманием, расслабился, почувствовал себя хозяином положения. Как бы то ни было, кристаллы стали осторожно передавать друг другу — и каждый заглядывал сквозь них на солнце и кивал уважительно: вещь.

А я рассказывал, как выращивал эту вещь под верстаком — три долгих недели. Без деталей, без рецепта — только процесс.

И пока я важничал, банка оказалась в кривых руках Олега — тогда он еще был не Олегом никаким, а всего лишь Олежкой, и над кривизной его рук, не способных ни на изготовление змея, ни на раскалывание молотком камней, смеялась вся округа.

Я важничал и даже не смотрел на Олежку — а когда посмотрел, то увидел, что глаза его полны ужаса, а банки в руках нет. В ту же секунду я услышал — услышал ли?

не придумываю ли сам себе? — негромкий плеск, а Олежка, бледный как мел, отшатнулся от ограды, высунув руки, за которую стоял.

Залилась лаем соседская собачонка.

Я вспомнил, как понесся по насыпи с моста, как ворвался в высокую, по грудь, траву, как зачавкали сандалии — но банки в реке не увидел.

— Вон! — закричали наши наперебой. — Плывет, плывет!

Я стал всматриваться в горящую от солнечных лучей воду, но банки не было — я побежал вдоль берега, всматриваясь до рези в глазах и одной ногой проваливаясь в размытый песок, но банки не было. Я добежал до изгиба реки, и там на берегу сидел на складной табуреточке рыбак, а за ним река понемногу становилась шире и, изгибаясь вновь, пенясь и плескаясь, уходила в глубь леса, который обнимал с этой стороны железную дорогу.

Тиканье часов.

Я вспомнил, как возвращался к мосту — смотрел снизу вверх и видел дрожащие фигурки наших у ограды. Чтобы фигурки не дрожали, глаза приходилось вытирать тыльной стороной ладони.

Вспомнил, как, закусив губу, лез на мост, вспомнил белое Олежкино лицо — «прости, пожалуйста, я нечаянно, прости!» — вспомнил, как сильно я его возненавидел, как подбежал, толкнул что было сил в грудь, как он чудом удержался и не упал. Я знал, что он нечаянно — он был нелепым, но безобидным, — но от этого было не легче. Где-то по дну реки волочилась сейчас течением банка с кристаллами медного купороса — с моими кристаллами, — и кристаллы в ней наверняка кувыркалились и рассыпались, ударяясь о стенки.

Я представил себе глухое бульканье воды на глубине, банку, цепляющую темный песок, кувыркающиеся внутри, ломающиеся и осыпающиеся песком кристаллы — и только что рукой не дернул, чтобы их подхватить.

Бесконечные извинения Олежки, попытки изобразить невозмутимость, долгая и тягостная прогулка вместе со всеми до школьного двора, от него до вокзала, от вокзала до заброшенного дома. Насмешки над Олежкой — смеются остальные, я поддакиваю, потом расхожусь и уже не могу остановиться — Олежка сперва сам улыбается глупо, растерянно — виноват, что уж тут, — потом жуёт губы, идет позади всех. Если не перестанут смеяться — расплачется. Перестают — как-то сама собой меняется тема. И я перестаяю — но злость не проходит, и обида не проходит, и так горько внутри. Первая возможность — и я под каким-то предлогом ухожу домой. С Олежкой не прощаюсь.

Полилась где-то вода — не в моей ли ванной? Нет, по трубам шумит, а льется у соседей.

Я попытался вспомнить, как провел остаток дня — но не смог. Наверное, слонялся по огороду, залезал то на сарай, то на яблоню, слезал и снова залезал — или валялся на диване в своей комнате, свесив голову к полу, упершись лбом в ковер. Или пошел бродить по улицам, разбил какое-нибудь стекло камнем, поиграл с кем-нибудь в мяч.

Ничего я больше не мог вспомнить из того дня — весь он скрылся от меня — и уже то, что я вспомнил — и мост, и кристаллы, и подоконник с цветком, — мне казалось неправдой, выдумкой, чем-то никогда не происходившим. Я слышал, как тикают часы, видел, как поблескивают подаренные Олегом кристаллы, но видел их так, как если бы сидел у стойки, совсем рядом, а не из кровати, видел, как сверкают синие уголки, как топорщатся в разные стороны, закрывают друг друга лоскутками крошечных теней, а там, где тень заканчивается, светятся невозможным синим цветом, и я уже злился на Олега за то, что он уронил тогда мою банку, а принес мне взамен нее что-то другое, а не ее саму, а она сама лежит где-то на дне реки, далеко-далеко, под песком, под ти-

ной, только краешком, быть может, показываясь наружу, и я всматривался в то, как мерцают кристаллы в свете окна, и сравнивал их со своими, сравнивал и сравнивал, а потом к стойке подошла моя жена — бывшая жена — в маске со стразами, стала что-то говорить, доказывать, то жестикулируя, то скрещивая руки на груди, и я понял, что сплю.

ТАЙНИК

Надежда Андреевна второй раз не нашла дорогу домой, и родственники решили забрать ее к себе — а квартиру, в которой она жила в одиночестве последние лет десять и которая составляла вторую часть вытянутого, с треугольной крышей, дома, предложили выкупить нам. Отец подумал и согласился — пусть весь дом будет в одних руках, все спокойнее.

— Только кухню их придется сломать, — сообщил он. — Пристроенная, перекосилась вся.

И вот за день или два до ликвидации кухни я пожертвовал обеденным перерывом и приехал через весь город — посмотреть-таки на приобретение.

За улицу или две разглядел я возвышающуюся над домами кленовую крону — исполинский клен темно-зеленой листвой подпирал бледное, затянутое облаками небо.

В детстве я на этом клене только что не ночевал — облазил его вдоль и поперек, обвязал веревками, обвешал особо ценными игрушками. Клен стоял ровно напротив дома, и с него было видно палисадник с сиренью и шиповником, крышу в полосках мха, двор, разделенный заборчиком на две части — нашу и Надежды Андреевны.

Во дворе Надежды Андреевны я несколько раз бывал — и много раз заглядывал в него через заборчик, вставая на перевернутое ведро. А вот в квартирке не был никогда — и вся она для меня состояла из глухих, еле слышных разговоров и низкого, сбивающегося на музыку бормотания телевизора, доносящихся из-за ковра на стене. До одиннадцати лет я каждую ночь спал, уткнувшись щекой в этот ковер, и волей-неволей слышал, как течет жизнь у соседей, различал голос внука Надежды Андреевны — Сашки по прозвищу Кисель, на два года старше меня, — его тетки, родственников-гостей. Пару раз кто-то негромко стучал — я не ответил. Когда Сашка Кисель поступил в колледж и осел в общежитии, а тетка его перебралась поближе к центру и Надежда Андреевна осталась одна, голоса за ковром, понятно, стихли, уступив все место телевизору, но я этому свидетелем не был, потому что еще раньше вместе с родителями переехал в новостройку.

С выкупом квартиры возникли сложности: Сашке Киселю, отбывающему срок где-то на другом конце страны, принадлежала небольшая доля в праве, и с ним долго не могли связаться, чтобы получить нужные документы.

— Не знаю, как там у них с регулярной связью, — сказал отец. — Жалко пацана.

Сашка Кисель сидел уже второй раз — за кражу, кажется, — и его действительно было жалко, как было бы жалко любого, кого знал ребенком, потом не видел много лет, а потом вот такие новости.

В детстве сказать, что Сашка Кисель непременно сядет в тюрьму, было нельзя — ну хулиган, ну двоечник... Но — тюрьма? Задирался, дразнил собак, гонял латаный-перелатанный мяч вместе со всеми, на клен вот карабкался время от времени, игрушки мои обрывал — обычный мальчишка, таких в каждом районе пруд пруди.

Долговязый, с острыми локтями и коленями, с круглой, коротко стриженной головой.

Компания у нас была людная, улица ходуном ходила — и мы с Сашкой хоть и жили через стену, а пересекались всегда как-то вскользь и близкого общения не имели. Опять же — два года разницы в том возрасте считались пропастью. И однако, несколько раз сидели мы с ним вдвоем на крыльце — то на моем, то на его — рассуждали о чем-то, говорили более или менее доверительно, как говорят только один на один.

А о чем говорили? Не помню.

— Верхний заедает, — наставлял отец, вручая связку ключей в целлофановом пакете.

Квартирка оказалась совсем крошечной: кухня и комната, разделенная перегородкой на две. Мебель увезли — и на стенах, там, где их закрывали прежде шкафы или тумбочки, светлели ровные прямоугольники. Горьковато пахло спертым, стиснутым со всех сторон воздухом, и если закрыть глаза, представлялись старые кресла, обтянутый покрывалом диван, комод с тяжелыми ящиками.

Перегородка стояла таким образом, что выходящие на улицу окна доставались одной комнате — ближней, а дальняя пряталась в полумраке, окон вовсе лишенная.

Каждый шаг отзывался густым, из недр земли, казалось, исходящим скрипом. Я топтался в кухне, оставил пакет с ключами на подоконнике, шагнул в первую комнату — светлую и оттого кажущуюся просторной, — провел ладонью по шершавым, ромбами, обоям. Перешел во вторую, щелкнул выключателем.

Под потолком загорелась коряжистая люстра в леске паутины, комнату окутал мягкий, желтоватый свет — равномерно лег на голые стены с теми же обоями, на выкрашенный коричневой краской деревянный пол, и комната превратилась в пенал или ящик в письменном столе: повернись спиной к двери, так, чтобы ее не видеть, и станет не по себе.

Я подошел к той стене, за которой должна была быть моя старая комната, постукал негромко костяшками пальцев, представил, как долетает сейчас сквозь ковер, тает в пустой, светлой — окно во двор — комнате глухой стук. Приложил ухо к шершавым обоям, прислушался, ничего ожидаемо не услышал — и уже собрался уходить, как зацепился взглядом за щель на стыке пола и стены, той, в которую только что стучал.

Длиной щель была в половину карандаша, шириной в мизинец, почти вся она скрывалась под сгибом обоев — плинтус у этой стены отсутствовал, — и в ней что-то отчетливо пестрело. Я сел на корточки, отогнул обои и осторожно, кончиками пальцев вытянул из щели: цветной камешек, ребристую карточку с футболистом — в зависимости от угла зрения футболист либо замахивался на лежащий перед ним мяч, либо бил по нему, раскидывая руки в стороны, трибуны при этом оставались неподвижными, — стеклянный шарик с пузырьком в глубине и жетон питерского метро — истертый, потемневший, но местами сохранивший глубокий бронзовый блеск.

Больше в щели ничего, кроме песка, не было.

Признаться, я был несколько обескуражен — потому что не понял сперва, на тайник я наткнулся, или в щель просто со временем что-то закатывалось и заматалось само собой. Конечно, это были вещи Сашки Киселя — но как не мог я в детстве предположить, что он окажется в тюрьме, так же не мог предположить, что он будет прятать в щель у стены камешки и жетоны.

Хотя поди случайно замети под обои карточку с футболистом.

И вот глядя на обнаруженные сокровища — а это были именно сокровища — и особенно почему-то на жетон, на размашистый, блестящий вензель под строгим, мелкими буквами, «Санкт-Петербург», я, возможно, впервые подумал о Сашке Киселе не как о мальчике, с которым шумел когда-то в одной ватаге, а как о прямо сейчас существующем человеке. Я подумал о том, что сейчас он где-то далеко-далеко, что прямо в этот самый момент он, должно быть... работает за каким-нибудь станком? Вытачи-

вает какие-то детали? Я имел очень скудные представления о местах лишения свободы, и мне рисовались только вот эти верстаки, блеклые, скудно выкрашенные стены, окна с решетками, а за окнами — низкое, угрюмое небо. Я представил себе Сашку Киселя — в сером, долговязого, небритого, с длинными, темными пальцами, перебирающими деталь, перевел взгляд на футболиста, на камешек, покатав на ладони шарик, снова присмотрелся к жетону, и мне стало тоскливо; и невозможным, непостижимым казалось, чтобы один и тот же человек сперва хранил в тайнике жетон питерского метрополитена, а потом оказался в тюрьме. Я прошел в кухню, достал ключи из пакета. Расправил пакет, дунул в него и положил на дно содержимое тайника. Аккуратно завернул, спрятал в карман. Отодвинул тюль и посмотрел в узкое, в деревянной раме, окно.

Моросил мелкий дождь, оставлял на стекле серебряные царапинки. Улица вытягивалась тихая, серая и безлюдная, в окне дома напротив горел, несмотря на раннее время, свет — и если бы не рябь мороси, и не равномерно колышущаяся под ветром листва: сирени, шиповника, клена, и не это освещенное густо-оранжевым окно, то улица вместе с домами, заборами, дорогой и серым небом показалась бы нарисованной на листе картона и прижатой к окну. В квартире стояла непроницаемая, неподвижная, совсем осязаемая тишина.

Были опасения, что ключ заест или что он застрянет в скважине — и тогда придется воевать с ним, стоя под усиливающимся дождем, — но он провернулся легко, с готовностью, и замок мягко щелкнул, закрываясь.

Вернувшись в офис, я переложил содержимое тайника в пакет поприличнее и спрятал в стол.